

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 127–133.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 127–133.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-127-133

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК ПРЕДМЕТ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКА

Ася Александровна Сыродеева
Институт философии РАН,
Москва, Россия, h.puck@mail.ru

 Аннотация. Произведение искусства, будучи отражением пережитого и осмысленного, фактически выступает обращением Художника к современникам, а также к последующим поколениям. Самовыражение автора в той или иной степени работает на конституирование социальных связей. Характерный для творчества Лазаря Гадаева диапазон сюжетов из повседневной жизни, представленных содержательно и искренне, распахнут для интерпретаций очень разных людей, что косвенно способствует общественному диалогу, социальной интеграции. Масштабный обмен мнениями-интерпретациями актуализирует среди прочего тему контекстуальности, исторической относительности взглядов конкретных социальных субъектов. Честность Художника перед собой служит подсказкой смысловых ориентиров в том числе, когда тема релятивности возводится в публичном пространстве в статус политического аргумента.

Ключевые слова: культура, творчество, повседневность, малая история, интерпретации, социальная интеграция, плюрализм, историческая контекстуальность, относительность

Ссылка для цитирования: Сыродеева А. А. Социальные связи как предмет творчества Художника // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2024. Т. 7, № 2. С. 127–133. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-127-133.

The Meanings of the Work of Sculptor Lazar Gadaev

SOCIAL RELATIONS AS THE SUBJECT OF THE ARTIST'S CREATIVITY

Asya A. Syrodeeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, h.puck@mail.ru

Abstract. A piece of art, being a reflection on what has been experienced as deeply meaningful, is in fact the Artist's appeal to his contemporaries and future generations. The author's self-expression works to a greater or lesser extent to constitute social ties. The range of plots from everyday life, typical for Lazar Gadaev's works and his artistic manner, is open to the interpretations of very different people, and thus indirectly contributes to public dialogue, social integration. A large-scale exchange of opinions and interpretations actualizes, among other subjects, the topic of contextuality, historical relativity of the views of specific social actors. The Artist's honesty to himself serves as a clue to semantic landmarks, including cases when the theme of relativity is elevated to the status of a political argument in the public space.

Keywords: culture, creativity, everyday life, small history, interpretations, social integration, pluralism, historical contextuality, relativity

For citation: Syrodeeva, A. A. (2024) "Social Relations as the Subject of the Artist's Creativity", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(2), pp. 127–133. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-127-133.

Обращенность к отдельной личности и одновременно ко многим как сообществу представляется важной характеристикой созданного Лазарем Тазеевичем Гадаевым (1938–2008). «Скульптуры эти — драгоценные амулеты, оберегающие души от огрубления и высвобождающие в нас доверие друг к другу» [Цит. по: Лазарь Гадаев ... , 1975, с. 57], — читаем комментарий Е. М. Суровцевой. Почему такая роль творчества востребована нами сегодняшними?

Позволим себе отсылку к широкому определению культуры, предложенному М. Л. Гаспаровым: «...это все, что люди делают, говорят и думают», «все, что есть в обществе» [Гаспаров, 2012, с. 125, 77]. Более развернуто данный тезис звучит следующим образом: «Это пища, одежда, жилище, хозяйство, семья, воспитание, образ жизни, нормы поведения, общественные порядки, убеждения, знания, вкусы. Зачем существует культура? Чтобы человек на земле выжил как вид...» [Гаспаров, 2012, с. 18]. Эрудированность известного филолога, переводчика, литературоведа, хорошо знавшего историю культуры от Античности до Серебряного века, подталкивает прислушаться к его мнению. Работы Лазаря Гадаева, как представляется, ведут нас в этом же направлении. Дело не ограничивается тем, что вслед за М. М. Бахтиным (и не только) большое и малое становятся сюжетами скульптурных, графических, живописных произ-

Л. Гадаев. Рождество. Бронза. 2002

ведений (в противовес произнесению слова «культура» с придыханием). Обращает на себя внимание значительное многообразие самих сюжетов. Скульптор делится смыслами, чувствами, образами, которые поддерживали его в жизни, от тем очень личных и локально-местечковых до общечеловеческих, космополитичных, преодолевающих границы пространственные и временные. «Живое впечатление дало толчок (...), какой-то ритм властно требовал разработки...» — эти слова скульптора из рассказа о двухфигурной композиции «Бегущие», созданной для международного паркового проекта к Олимпиаде в Сеуле, могут быть отнесены ко всему творчеству Лазаря Гадаева [Лазарь Гадаев ... , 1975, с. 23]. Произведения из камня, дерева, бронзы, работы графические и маслом наполнены звуками мира, следуют за подмеченными скульптором визуальными линиями, одухотворены и динамичны в своем повествовании независимо от места встречи с ними: в выставочном пространстве, городской среде, на страницах каталога.

Чему способствует культура, трактуемая через синонимичность жизни? Среди прочего, на практике она оказывается важным социальным фактором — интеграции.

Ныне мы являемся свидетелями того, как сознательно запускаемые понятия-идеологемы не просто раскалывают общество, мир, но приводят к кровопролитным противостояниям. Интеграция, которой способствуют Гаспаров и Гадаев, — многомерная. Для нее не существует одной традиции, а скорее космос традиций с возможностью и свободой совместной выработки, выбора законов сосуществования. Речь не идет об отказе от споров, дискуссий относительно оттенков смысла. Те же Гаспаров, Гадаев были участниками многочисленных профессиональных дебатов о приоритетах и нюансах. Суть в том, что понимание культуры в ее созвучии жизни способствует, среди прочего, социальной интеграции через обращенность к людям очень разным, вовлечение их в диалог осмысления действительности и ее проблем.

Очевидно, в подобного рода межсубъектном взаимодействии присутствуют свои непростые структурно-содержательные вопросы. На один из них хотелось бы обратить внимание.

Не раз в ходе экскурсии по музею-мастерской звучал тезис о том, *что* было важно для Лазаря Гадаева в создаваемых образах. Таковым оказывалась не натуралистическая тождественность, а настроение и состояние (чему не противоречила, скорее способствовала кропотливая работа скульптора с историческими документами на подготовительных этапах), не детализация конкретных элементов облика, а композиционность, принципиальная для общей концепции работы. «...Объем его скульптур содержателен полным безразличием к

ем к правдоподобию», — отмечает Ю. Б. Норштейн [Цит. по: Лазарь Гадаев ... , 2007, с. 36]. Виртуозно владея художественными методами сдвига пропорций, обрамления пространства непривычным контуром, рукотворного наращивания поверхности, скульптору удавалось передать конкретное личное чувство, продуманный смысл. Искренность художника не исключает, а, напротив, оставляет и за зрителем право на опыт восприятия, интерпретации. Если на этот уровень «многообразия» наложить относительность, привносимую историческим контекстом создания скульптуры и встречи с ней последующих поколений, релятивность будет лишь возрастать. А если не забыть, что живем в динамичное по стремительности время, становится очевидно, в какой мере вариативность получает дополнительную подпитку.

Можно по-разному относиться к пространственно-временному многообразию трактовок того или иного феномена, произведения искусства в том числе. При этом дают о себе знать стратегии более терпимые и более неуступчивые, вплоть до воинственных. Первые, релятивистские принадлежат к их числу, предполагают, что находящемуся в общественной реальности предпочтительнее «игра социальных красок» (как свойство общественной ткани) и надежда, что диалог между разными мнениями будет способствовать изменению к лучшему. Такая оптика сочетается со стремлением стягивать полюса мировоззренческих позиций. И подобный взгляд разделяем многими. Но вот уже более двух лет мы являемся свидетелями того, как все, за что ратует релятивистский подход: преодоление жестких противопоставлений, отстаивание мира многокрасочности, открытие дверей Другому как равноправному субъекту, приобщение широкой общественности к социокультурной терпимости, — вдруг оказалось отброшено. На новом витке заработала социальная поляризация. Дело не только в том, что общественный маятник уходит в иную сторону, но оказался запущен веер опасных процессов. Помимо очевидной подмены смыслов при использовании словаря релятивистской парадигмы, серьезно перессорились те, кто прежде обогащали друг друга знанием о разном. Так, ныне кто-то презрительно высмеивает одетых в «белые пальто», кто-то сознательно приобретает и надевает таковые, кто-то ставит им памятники, кто-то торопится сообщить другим, «что произошла чудовищная ошибка», в результате чего балом пытается править «непогрешимость» (Б. Л. Вишневский).

Означает ли это, что история сыграла над нашим современником злую, трагическую релятивистскую шутку? Или все же у этого принципа есть потенциал, а приведенные примеры оперирования им — упрощения идеологического толка, за которыми скрываются корыстные цели, и сводить его к ним неправомерно?

Ответить на этот вопрос помогает фигура Художника. Он живет в мире разного: разных интерпретаций, на некоторые претендует сам, он готов услышать их в свой адрес от современников и последующих поколений. Но при всей полифонии интерпретаций, в которой Художник работает и в мир которой отпускает результаты своего труда, есть тот вектор, который ему важен и которому он верен. И даже если он не знает, как конкретное Слово отзовется, надеется, что разные «прочтения» так или иначе сложатся в задуманные им содержательные доминанты. Когда Художник честен перед собой, меняющимся, порой сомневающимся в некогда обретенных смыслах, ему не страшны ветра интерпретаций.

Как много работ у Лазаря Гадаева на тему пути, в котором пребывает человек... Вслед за ним мы отправляемся по горным дорогам Осетии, то верхом на ослике, то пешком, он помогает нам узнать о циклах повседневного сельского труда, приглашает послушать застольное пение, разделить радость общения и взаимодействия, сопереживание при расставании и счастье при встрече, творческий и смысловой поиск, который ценил в людях. Он был чуток к динамике человека во времени и придерживался этой мировоззренческой парадигмы. Даже когда его работа фиксирует момент внешне статичный, в «полетной лепке» (А. А. Рюмин) [Цит. по: Лазарь Гадаев ... , 2007, с. 72] скульптора она воспринимается как эпизод дрящегося опыта, переживания. Многомерный мир культуры-жизни в интерпретации Лазаря Гадаева — поддержка нам, очень разным, в столь желанном взаимопонимании.

Список источников

- Гаспаров М. Л. Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 288 с.
Лазарь Гадаев. Скульптура. М., 1975. 84 с.
Лазарь Гадаев. Скульптура. Графика. М., 2007. 208 с.

References

- Gasparov, M. L. (2012) *Filologiya kak npravstvennost'* [*Philology as Morality*]. Moscow: Fortuna EL.
Lazar' Gadaev. Skul'ptura [*Lazar Gadaev. Sculpture*] (1975) Moscow.
Lazar' Gadaev. Skul'ptura. Grafika [*Lazar Gadaev. Sculpture. Drawings*] (2007) Moscow.